

Тема противоречий прогресса — одна из самых плодотворных в искусстве. Задача искусства — защищать человека, которого давит машина прогресса, а не подталкивать эту машину.

Г. Померанц

1. В отличие от классической советской НФ ее золотой поры, ожидавшей от развития науки и технологии увеличения счастья и свободы в жизни человека, современная НФ явно отражает ожидание резкого и тяжкого, «душевердного» сдавливания счастья и свободы как неизбежного следствия роста технологического могущества. Это очень настораживающий симптом, но он, очевидно, не выдуман злостными пессимистами и не высосан из пальца бездельниками и неумехами. Он отражает реальные настроения общества. Отдают себе писатели и читатели в том отчет или нет, этот поворот связан прежде всего с тем, что в прошлом от прогресса ожидалось прогрессирующее удовлетворение высоких духовных и интеллектуальных потребностей человека, воспитанного высокогуманным и высоконравственным коммунистическим обществом, тогда как ныне от него со все возрастающей тревогой ждут прогрессирующего удовлетворения лавинообразно нарастающих потребностей материальных, физиологических, амбициозных, извращенных. Рост именно этих потребностей оптимален для рыночной экономики, заложен в нее как единственный двигатель и потому стимулируется ею вполне целенаправленно.

2. Лавинная доля опасений связана с предощущением создания техногенных средств прямого вторжения во внутренний мир человека и окончательной ликвидации даже намек на возможность самостоятельно оценивать действительность и принимать реально отвечающие собственным предпочтениям, интересам и желаниям решения. Нынешнее безудержное «разбалтывание» демократических обществ, доводимых взбесившимися индивидуальными свободами до хаоса, до превращения из социальных и этнических общностей в броуновское мельтешение одиночек, удрученных лишь скудостью своего личного потребления (причем чем больше они потребляют, тем более им не хватает), реально ставит перед современным человечеством проблему управляемости больших человеческих коллективов в таком ракурсе, в каком она прежде еще никогда не стояла. Нарастает объективная потребность в лекарстве, которое горше болезни. Ограничивать или как-либо «подсушивать» демократические свободы законодательным или чисто силовым образом в цивили-

зованном мире никто не решается. Ведь любые ограничения чреватые спадом потребления, на постоянном росте которого единственно держится капиталистическая стабильность. Даже нынешний микроскопический спад, всего-то лишь обусловленный сбоем в системе кредитования, уже обернулся многолетним глобальным экономическим кризисом и потерей устойчивости в большинстве передовых индустриальных государств. Но насиловать уже и не нужно, есть методики поэффе́ктивней. ГУЛАГ — всего лишь следствие примитивности технологий. Зачем отнимать свободу, когда можно сделать ее самое, эту свободу, абсолютно подконтрольной и жестко управляемой. Угроза превращения убеждений, совести, чести, любви, сострадания и вообще всех лучших качеств человека в бесполезные рудименты, пережитки, пустые слова, совершенно беспомощные и просто лишённые смысла по сравнению с мощью вторгающихся в сознание и подсознание сил, действительно становится реальной — и, во всяком случае, ныне ощущается таковой. Произведения, присланные на конкурс «Сегодня — завтра», еще раз подтверждают, что страх перед всепланетным зомбированием основной массы населения финансово-бюрократической элитой является ныне едва ли не основным страхом хоть сколько-то переживающих за будущее людей, принадлежащих к западной цивилизации. Никто уже, похоже, не сомневается, что при формальном сохранении всех юридических свобод люди в ближайшем будущем информационно и поведенчески станут марионетками и рабами корпораций, а в тотальном, глобальном, безальтернативном обществе чистогана никто не сможет и не захочет рисковать своей выгодой, чтобы воспрепятствовать этому превращению.

3. В данных условиях особенно важным представляется создание эмоциональных, ценностных мотиваций сопротивления этой грозной тенденции. Роль искусств и, в частности, литературы тут просто невозможно переоценить. За всю свою историю человечество не разработало иных методик поддержания совести в работоспособном состоянии, кроме искусства. Даже религии действовали в значительной степени именно через этот канал. Все они оставались просто сектами до тех пор, пока на их базе не создавались великие произведения искусства. Если какая-то религия не вырастила на своих ценностях великих книг, картин, музыки или архитектуры, способных оказывать одухотворяющее влияние в том числе и на тех, кто не является приверженцем данной религии — она так до сих пор и является не более чем сектой. Вне зависимости от числа адептов.

4. Чтобы реально возбуждать эмоции, вызывать переживания, лите-

ратурное произведение прежде всего должно быть достоверным, убедительным.

5. Для этого, во-первых, научно-фантастическое произведение должно быть просто интересным, живым при чтении. Должно захватывать внимание, быть свободно и ярко переливающейся от одного к другому вереницей переживаний и событий. Замедлился — значит, упал.

6. Во-вторых, будучи элементом искусства, изящной словесности, оно должно быть убедительным эмоционально, художественно, с точки зрения психологии и мастерства написания текста. Должно захватывать читателя просто по-человечески — человеческими переживаниями. Не побоюсь в этом контексте произнести скомпрометированное современными псевдодемократами словосочетание — общечеловеческими переживаниями. То есть не только такими, что доступны лишь ученым и технологам по поводу их узкопрофессиональных проблем.

7. Но произведение НФ вдобавок должно быть убедительным с точки зрения науки и технологии. Если сюжетообразующее научно-фантастическое допущение выглядит в глазах мало-мальски образованного человека безграмотным, наивным и смехотворным, либо, напротив, если оно для не поднаторевшего в данном вопросе читателя выглядит непонятным, многословно мутным — такое произведение в целом не вызывает переживаний и читателем отбрасывается. В идеале автору приходится каждый раз в меру своих способностей нащупывать золотую середину: для читателя посвященного научно-фантастический антураж должен быть на минимально необходимом уровне научной истинности и уж хотя бы не противоречить существующим на данный момент реальным знаниям, но для читателя неискушенного он в то же время должен не более чем создавать впечатление научности, не перегруженное до полной неинтересности и непонятности реальными сведениями. Оптимальным вариантом является, по всей видимости, создание убедительного с виду, но по возможности легкого и обтекаемого, не цепляющегося углами за извилины при переносе из текста в мозг чучела науки или, например, созданной воображением автора грядущей земной истории. Чтобы хорошо сыграть свою скрипку в оркестре факторов, определяющих силу художественного воздействия, такому чучелу следует быть максимально импрессионистским. Оно, в честности, не должно оказаться изукрашенным безумной массой выдуманных автором второстепенных деталей, никому, кроме самого автора, не интересных. Оно не должно вязнуть в долгих псевдонаучных или, в лучшем случае, околонучных разъяснениях, которые чем подробнее, тем фальшивее. В нем должно наличество-

вать лишь то, что жестко необходимо для понимания составляющих сюжет событий и переживаний. Именно такое чучело в наибольшей степени способно пробудить собственную фантазию читателя и позволить ему самому додумать или, что еще важнее, дочувствовать детали и связки, создав, таким образом, в его восприятии цельную и эмоционально насыщенную картину, внутри которой и будут действовать персонажи. Если не переживается картина, то и за персонажей читатель переживать не будет. Можно считать это парадоксом, но я убежден, что именно настоящий, очень хорошо разбирающийся в своем предмете и очень им увлеченный ученый или во всяком случае знаток способен (при сознательном старании, конечно), делаясь с читателями своими передовыми, еще не верифицированными идеями, создавать такие чучела куда лучше полужнаек, нахватавшихся фактов, навоображавших частностей, но не способных отделить главное от второстепенного, судьбоносное от наносного.

8. Именно такой подход наилучшим образом помогает НФ выполнять еще одну функцию, возможно, авторами не запланированную, но объективно возникающую при накоплении определенного количества достойных произведений — функцию ориентирования в реальных тенденциях научно-технического развития. Функцию нащупывания будущего. Даже если авторы не слишком искушены в науке, то, о чем они в наибольшей степени мечтают или, что для нашей эпохи вернее, то, чего они в наибольшей степени опасаются, страшатся, не хотят увидеть в реальном будущем, с высокой степенью вероятности как раз и окажется магистральным направлением грядущего развития науки и техники. Так было во времена Жюль Верна, так остается и по сей день. Чуткий человек, как правило, даже в полной темноте за шаг, а то и за два до реального удара ощущает, что вот-вот расшибет коленку о невидимый угол. И если целый хор авторов начинает описывать, каждый на свой лад, одну и ту же травму от одного и того же тихо поджидающего во мраке завтрашнего дня сундука Пандоры — это, как минимум, повод для того, чтобы именно сейчас остановиться и именно в этом направлении осторожно поводить ладонью.

9. Однако практика показывает, что сколь угодно пронзительное описание самих лишь будущих травм не слишком-то эффективно. А нарочитое нагнетание безнадежных проблем на тех сценах, где и в реальной нашей жизни тяжелых проблем достаточно, лишь окончательно подавляет. Да и выглядит, вдобавок, глумлением, издевательством в бессознательном расчете на барыш — а коль скоро глумление так легко можно обменять на барыш, это еще добавляет безнадеги. Взять, скажем, тыся-

чекратно вдолбленную нам в мозги еще со времен перестройки аксиому, согласно которой в России — все зло, а вне России — все добро. Когда и если какой-либо автор НФ конкретизирует ее в том смысле, что во всем мире научно-технический прогресс ко благу, для пользы людей, и только в России — ко злу, для пользы одних лишь кремлевских упырей, это возбуждает, по-моему, лишь один-единственный вид желаний противостоять злу: желание отобрать у такого автора компьютер и прочие школьно-письменные принадлежности.

10. Раньше считалось, что антиутопические произведения играют положительную алармистскую роль. Возможно, так и было, пока победа антиутопии представлялась довольно далекой абстракцией и пока произведения такого рода были немногочисленны. Сейчас мы реально шаг за шагом приближаемся к краю. В то же время однообразные описания гибнущих миров, будучи по неким на первый взгляд загадочным причинам стимулированы и рекламой, и престижем, и финансами, буквально навязываются читателю. В этих условиях продолжение варьирования коллизий, в которых с легкостью растаптывается любой положительный человеческий порыв, любая попытка отстоять себя и свой идеал, лишь увеличивают, по выражению братьев Стругацких, и без того неодолимую силу. Возможно, зло и впрямь неодолимо, и человечество и впрямь обречено своими собственными интеллектуальными и технологическими достижениями погубить все лучшее в себе, да и в целом на планете. Но эту возможность уже не следует делать предметом художественного произведения. Бесконечная демонстрация поражений совести пробуждают в теперешних условиях вместо сострадания, протеста и желания все изменить к лучшему лишь апатию, ощущение бессмысленности сопротивления — и адаптируют человека к бессовестности. Вместо подталкивания к бунту против несвободы такая демонстрация ныне вызывает прямо противоположный эффект — заставляет заранее и навсегда сложить руки, приучает к несвободе, возводит ее в ранг нормы. Что как нельзя лучше устраивает кукловодов. Любых.

11. Практика показывает, что единственной помимо основных инстинктов и прямой корысти эффективной мотивацией человеческой активности является несовпадение сущего и должного. Желание поправить реальный мир в соответствии с усвоенным сизмальства идеальным представлением о нем — один из сильнейших и благороднейших порывов. Хотя и он, конечно, может не довести до добра и должен знать меру; ум без совести — всегда подлость, совесть без ума — всегда истерика. Но противоречия быта и мечты питают энергетику поведения лишь тогда,

когда представление о сущем включает в себя не равную нулю вероятность победы добра. Вера в то, что хороший человек каким-нибудь чудом все равно окажется выше и сильнее любого, сколь угодно мощного и изощренного технологического, психологического и социального насилия может выглядеть запредельно инфантильной. Именно нежелание взглянуть правде в лицо, быть может, лежало в основе вызывающих теперь лишь снисходительную усмешку произведений наподобие «Состязания в Лиссе» Александра Грина, когда ненавидевший вонючие и трескучие аэропланы автор написал о человеке, летающем одной лишь силой своего желания куда лучше всякого аппарата тяжелее воздуха; в итоге авиатор на своей железяке разбивается насмерть, а летящий в лежачей позе, подперев рукою голову, с развевающимся галстуком кудесник шпарит себе как по ниточке над заливом вдаль. Но тут уж творцу НФ приходится в очередной раз искать золотую середину и отличать стену, которую нельзя пробить лбом, от стены, которую лбом пробить можно.

12. К слову сказать, это же самое нежелание взглянуть правде в лицо явилось одной из основных причин всплеска безумной популярности фэнтези. Людям позарез хочется хотя бы на время, точно на выходные, хотя бы во воображении, точно в воспоминаниях об уже прошедшем отпуске в родном краю, вернуться в мир, где личному мужеству одного противостоят всего лишь личные козни другого, личной порядочности хорошего человека личная же подлость человека нехорошего — но вовсе не, скажем, бездушный беспилотный дрон, управляемый недостижимым оператором, весь внутренний мир которого исчерпывается приказами начальства, мечтой о прибавке к жалованью, азартом играющего в стрелялку недоросля да пивом и девками после дежурства. Не зря так популярен в свое время был лозунг «Frodo rules!» Что бы ни писал в свое время Толкин — новый миф, великобританскую сагу или что-то еще, объективно он написал именно это, и именно это было в его тексте востребовано в наибольшей степени: мир, где человеку вновь противостоит всего лишь тоже человек, сердцу — сердце, мозгу — мозг, мышце — мышца. Где храбрость, верность и благородство вполне могут определить ход истории, а не оказаться неощутимым химическим воздействием вывернуты наизнанку еще до первого соударения мечей или просто-напросто дистанционно испепелены. И еще — где маленький человек с его маленькими добродетелями и слабостями является венцом творения и центром вселенной, где злое волшебство, конечно, стремится его погубить, ему помешать, но волшебство доброе жизнь свою кладет, чтобы ему помочь. В научно-техническом прогрессе, единственном источнике реаль-

ных волшебств, в мире кубитов и транскриптазы, клонов и оружейного плутония, нейролингвистического программирования, вживленных в мозг чипов и взрывающихся по звонку мобильного бомб не предусмотрено Гэндальфов. Зато Барлогов — сколько угодно. Причем всем этим чудовищам, что после нажатия соответствующей кнопки творят свое дело в силу неотменяемых законов природы, и на людей, и на человечество в целом глубоко начхать. И все, что маленький человек может им противопоставить — это его маленькие добродетели. Ничего, кроме. Сам себе и Фродо, и Гэндальф. Не сможешь? Твои проблемы, мохноногий.

13. Поэтому наивная вера в победу всегда в итоге оказывается более конструктивна, нежели мудрая уверенность в поражении. Стоит лишь представить себе, как в предвоенном СССР вместо того, чтобы оболванивать Хомо Советикуса произведениями типа тысячекратно обруганного и высмеянного, в общем-то — и впрямь аляповатого и безграмотного «Первого удара», фантасты принялись бы отважно, с геройской прямо-той резать правду-матку, донося до жертв тоталитаризма общечеловеческие ценности: все наши командиры — бездари, все политруки — садисты и стукачи, все секретари обкомов — развратники и взяточники, в Политбюро засели дебилы, параноики и кровососы, по которым виселица плачет, между Сталиным и Гитлером никакой разницы нет, Гитлер непобедим, Гитлер нас раскатает в шесть недель, нас всех перебьют, а ведь жизнь каждого индивидуума неповторима, бесценна и свята, наших детей поработят и лучше бы всем сразу сдаться, чтобы успеть в плену подгадать местечко потеплей... Конечная победа над фашизмом социализма и союзной ему демократии, полагаю, оказалась бы под большим вопросом. Правда, этот вариант относится к запредельной фантастике. Сталинская цензура «с налету, с повороту» пресекла бы доступ подобных просветителей к читательской аудитории. Отсюда попутный вопрос: так ли уж безоговорочно она была плоха?

14. Исходя именно из обозначенных критериев я намерен оценивать предложенные на конкурс произведения, равно как и стараться воздействовать на мнение уважаемых членов жюри, председателем коего мне выпала честь оказаться.